

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

АФРИКАНСКИЕ СТРАТЕГИИ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОДХОДОВ КЛЮЧЕВЫХ ИГРОКОВ НА КОНТИНЕНТЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2023 Н.А. Панин

ПАНИН Никита Алексеевич, аспирант Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН; Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка 30/1, e-mail: contact@panin-nikita.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются подходы Китая, США и некоторых европейских стран, в том числе Германии и Франции, к развитию отношений со странами Африки. Анализ выполнен в сравнительном ключе и с учетом африканского блока, содержащегося в обновленной Концепции внешней политики России. Концепции предлагают разное видение как географического охвата стратегий по Африке, так и их смыслового наполнения. Кроме того, стратегии дают разную оценку фактору других внешних игроков, при оценках варьирующихся от прямого соперничества до готовности поддерживать сотрудничество по определенным вопросам. В каждом страновом случае выделены характерные черты, которые можно учитывать и практически, на африканском треке российской внешней политики, так и на концептуальном уровне, в рамках проработки полноценной стратегии России в Африке.*

***Ключевые слова:** Африка, стратегии, концепции, подходы, Россия, США, Китай, Европа, Германия, Франция*

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-29-47

Новая редакция Концепции внешней политики России (КВП РФ), утвержденная указом Президента 31 марта 2023 г., задала принципиально иной тон стратегическому целеполаганию Российской Федерации, обозначив ключевые формирующие тренды новой международной среды в увязке с национальными интересами страны. Иначе – в сравнении с редакцией 2016 г. – стали выглядеть региональные приоритеты внешней политики РФ. И это в том числе касается концептуального подхода России к отношениям с государствами Африки. Если раньше «развитие партнерских отношений» через «наращивание всестороннего сотрудничества в общих интересах» замыкало список региональной повестки российской дипломатии [1], то теперь ее африканский вектор приобрел новое звучание, заняв шестое место среди десяти региональных направлений внешней политики России и впервые опередив Латинскую Америку и страны коллективного Запада [2].

Действительно, африканский раздел КВП РФ теперь выглядит более содержательно. С одной стороны, впервые четко заявлена основная цель внешней политики России на континенте – способствование превращению Африки в «самобытный и влиятельный центр мирового развития» [2, с. 35]. В этом определении содержится ряд важных отсы-

лок: во-первых, признание цивилизационного многообразия современного мира («самобытность»), что означает безусловное следование принципу невмешательства во внутренние дела государств и уважение их суверенитета, а также ненавязывание им каких-либо моделей политического устройства или экономического развития. Во-вторых, такая формулировка не только подтверждает возросшую субъектность государств Африканского континента, но и признает определенный потенциал дальнейшего укрепления государствами Африки своего влияния на международной арене. В-третьих, делается акцент на принципиально важную для африканских стран повестку развития. Африка, согласно многим прогнозам, сохранит высокие темпы демографического роста при движении в сторону урбанизации, что не может не изменить структуру и объем рынков этих стран, повысив их значимость и привлекательность для бизнес-партнеров и инвесторов. Кроме того, в КВП РФ отмечается, что в мире происходит усиление неравенства, причина чему – «изолированная неокOLONиальная политика ряда развитых государств» [2, с. 35]. Дискурс неокOLONиализма стал крайне характерен для российской политики после начала специальной военной операции (СВО) на Украине [3], а в случае со странами Африки, по мнению российских официальных лиц, такой подход еще и позволяет зафиксировать некую преемственность между курсом СССР в Африке и современными российскими концепциями.

Вторая часть блока КВП РФ, посвященного Африке, позволяет оценить масштаб целеполагания, поскольку перечисляет основные приоритеты России на африканском треке. В их число вошли: продовольственная и энергетическая безопасность; военнотехническое сотрудничество; содействие в преодолении последствий конфликтов; наращивание товарооборота и объемов инвестиций; подготовка кадров; и продвижение межкультурного диалога [2, с. 36]. Заметим, что выделение конкретных направлений – причем вполне соотносящихся как с реальными возможностями России, так и более с широким политическим дискурсом момента – можно охарактеризовать как шаг вперед на пути к полноценной стратегии по Африке, поскольку о «разноплановом взаимодействии» в предыдущих концепциях речь шла лишь в общих словах.

Тем не менее в части КВП РФ, касающейся Африканского континента, по-прежнему остается место для дальнейшего осмысления. Так, в отличие от некоторых других региональных направлений (Исламский мир и Латинская Америка) в Африке на концептуальном уровне не выделено ни одного приоритетного партнера, хотя с некоторыми государствами региона (например, ЮАР) Россию связывают отношения всеобъемлющего стратегического партнерства. Сам же Африканский континент, несмотря на серьезные отличия между расположенными на нем государствами, в Концепции рассматривается как единое, монолитное целое. Более того, не вполне понятно, какой общий подход к понятийному определению региона принят в российской стратегии. С одной стороны, известно, что Департамент Африки МИД РФ курирует отношения только со странами Африки южнее Сахары, а упоминание в КВП РФ Египта как одного из приоритетных партнеров среди стран Исламского мира [2, с. 34] позволяет заключить, что и иные государства Северной Африки могут быть отнесены к этому же блоку. С другой стороны, при организации саммитов Россия–Африка применяется географический подход, соотносящийся с общим членством этих государств в Африканском союзе (АС). В концепции, напомним, не говорится о том, к какому числу стран применяются ее положения, однако по заявленным приоритетам сотрудничества можно предположить, что они все же могут быть распространены и на северную часть Африки, где «визитной карточкой» России также считаются содействие обеспечению продовольственной безопасности и военнотехническое сотрудничество (ВТС).

Актуализация текущего подхода России к выстраиванию своего взаимодействия со странами Африканского континента – та необходимая отправная точка, с которой можно сопоставить африканские стратегии других весомых игроков на континенте.

Необходимо отметить, что затрагиваемая в статье проблематика стратегий государств, в том числе России, по выстраиванию отношений с африканскими странами получила широкое освещение в академической литературе. Отправной точкой таких исследований чаще всего служит тезис о том, что за последние годы Африке удалось повысить свою значимость в мировых делах как геостратегически важного региона [4]. В результате имеет место серьезная политико-идеологическая и социально-экономическая экспансия внешних игроков в страны континента, что находит свое выражение и в их доктринальных документах в области внешней политики. К сожалению, приходится признать, что с учетом текущей обстановки в мире эти подходы оказываются во многом антагонистичны [7]. Освещение этой проблематики важно еще и потому, что практическое соотнесение стратегий США, России, Китая, Франции и других европейских стран, а также набирающих силу в Африке игроков, представляющих Глобальный Юг, не может не влиять на векторы развития собственно африканских стран [4].

В российской африканистике изучение основных направлений приложения усилий разных акторов в Африке вызывает интерес еще и потому, что позволяет соотнести их с мерами, которые может в новых условиях предпринять собственно российская сторона: имея в виду как средне-, так и долгосрочную перспективу [5]. Материалы, посвященные новым вехам в отношениях России и Африки, также сопоставляют российский подход к государствам континента со стратегиями других крупных игроков [6, 7]. Наконец существуют и более прицельные исследования, в фокусе которых – во многом по схожим причинам – оказываются африканские стратегии отдельных крупных игроков в контексте меняющейся обстановки в странах континента [8, 9].

Данная статья предлагает сравнительный анализ стратегий Китая, США и некоторых европейских государств. Определенным ограничением служит то, что за рамками исследования остаются концепции таких важных игроков, как Турция, Индия, а также государств Персидского залива. Тем не менее ее принципиальным отличием от упомянутых ранее публикаций служит то, что исследование опирается исключительно на источниковую базу: непосредственно опубликованные стратегии различных стран по работе на африканском направлении.

НОВАЯ ЭРА ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ И АФРИКИ

В ноябре 2021 г. была принята общая стратегия Китая в Африке, получившая название «Сотрудничество Китая и Африки в новую эру» [10]. У этого документа есть ряд особенностей, выделяющих его на фоне российского подхода, помимо гораздо большего объема и детализации. Во-первых, весь текст китайской стратегии пронизан идеей важности совместного развития. Уже в первом абзаце упоминается: «Китай – крупнейшее развивающееся государство в мире, а Африка – континент с наибольшим числом развивающихся государств» [10]. Таким образом, одна из идейных основ сотрудничества привязана к общей принадлежности Китая и африканских стран к развивающемуся миру, что означает общность вызовов и задач, с которыми сталкиваются стороны, определяя большую заинтересованность сторон в координации шагов на ключевых международных площадках. Прежде всего, это касается ООН, и из всех тематических блоков резолюций, рассматриваемых Генеральной Ассамблеей, повестка развития, равно как и деколонизация, входит в число основных приоритетов подавляющего большинства государств Африки южнее Сахары [11].

Во-вторых, хотя в китайской стратегии упоминается «общий опыт прошлого» Китая и стран Африки как косвенная отсылка к колониальным практикам европейских стран [10], в тексте документа – в отличие от российского подхода – термин «неоколониализм» напрямую не употребляется.

В-третьих, показательно, что на протяжении всего текста прослеживается признание со стороны Китая субъектности африканских стран, к которым относятся «с искренностью и дружелюбием, как к равным» [10]. Более того, уникально то, что стратегия КНР построена на взаимности: «Китай не только помогает развитию (африканских стран. – *Н.П.*) в национальных условиях, но и черпает мудрость древних африканских цивилизаций» [10].

Понимая, что объемы китайской помощи африканским странам и поддержки африканскими странами Китая несопоставимы, в тексте документа содержится следующий пункт: «Китай благодарен африканским странам за большую поддержку и бескорыстную помощь на протяжении длительного времени» [10]. Этот принцип также находит выражение в стратагеме «Взял сливу – верни персик». Показателен один из примеров, упоминающийся китайской стороной в разделе о борьбе со стихийными бедствиями: «Китайский народ никогда не забудет, как после ужасного землетрясения 2008 г. Экваториальная Гвинея с населением всего 2 млн человек пожертвовала 2 млн евро на восстановление» [10].

В-четвертых, отношения Китая и Африки выстраиваются в хорошо очерченных идеологических рамках. Концептуальная основа китайского подхода – строительство «более тесного сообщества с общим будущим». Такая формулировка появилась как один из важнейших итогов саммита в Пекине в 2018 г., что стало логичным оформлением серии разноуровневых встреч Форума сотрудничества, основанного в 2000 г. Среди ключевых принципов выделены «искренность и связанность (судеб. – *Н.П.*)», а также «справедливость и взаимовыгода» [10].

В-пятых, для китайской стратегии характерно погружение в исторический экскурс отношений с государствами Африки, поскольку в документе прослеживается не только эволюция современного подхода к взаимодействию, но и упоминаются основы этого курса, заложенные при Мао Цзэдуне, а также встречаются яркие метафоры с историческим подтекстом: «Исторически через Морской шелковый путь из Китая в Африку попадали чай, фарфор и опыт развития» [10]. Все это свидетельствует о долгосрочном целеполагании КНР, основанном на строгой преемственности и готовности к адаптации в условиях меняющихся реалий мира.

Стоит выделить и основные моменты, связанные с реализацией концепции «более тесного сообщества» как магистрального проекта в отношениях Китая и Африки. В центре концепции находятся люди¹, а не политические или социально-экономические отношения, а сами африканцы сквозь текст упоминаются как «настоящие друзья», а не просто партнеры. Уже было сказано о том, что фокус китайской стратегии – содействие развитию, причем Китай, «тесно связывая свое развитие с развитием Африки» [10], не просто ведет активную работу по привлечению инвестиций и финансирования, но и «помогает превратить ресурсные преимущества в преимущества развития» [10]. Это, однако, не означает, что концепция лишена политической компоненты. В ее рамках выделяется шесть ключевых принципов, каждый из которых формирует свое направление сотрудничества:

1) «общие ответственности» (политическая поддержка друг друга по ключевым международным вопросам, в том числе в ООН², координация региональных повесток, совместное отстаивание интересов развивающегося мира);

¹ «Плоть и кровь отношений между Китаем и Африкой лежит в людях, поэтому нужно выстроить прочные социальные основы дружбы» [10].

² «Голос Китая в ООН всегда будет вместе с развивающимися странами» [10].

2) «обоюдовыгодное сотрудничество» (развитие торгово-экономических связей, в основном под зонтиком мегапроекта «один пояс – один путь», реализация которого началась с соглашения с ЮАР в 2015 г.);

3) «общее счастье» (гуманитарный компонент, нацеленный на повышение благосостояния людей и качества их жизни, поскольку это принимается за отправную точку отношений и меру их развития);

4) «общая культура» (взаимное изучение и сосуществование китайской и африканской цивилизаций³);

5) «общая безопасность» (поддержка собственных возможностей африканских стран в области миротворчества и урегулирования кризисов);

6) «гармоничное сосуществование с собой и природой» (природоохрана, экология и энергетика) [10].

Важной для африканских стран, особенно в контексте сложившейся парадигмы их взаимодействия со странами Запада, выглядит политика «пяти нет», охватывающая все упомянутые сферы. Среди ее компонентов: невмешательство в пути развития и во внутренние дела, ненавязывание африканским странам воли Китая, неувязывание сотрудничества с какими-либо политическими условиями, а также отказ КНР от инвестирования в Африку с политическими целями.

Таким образом, стратегия по построению «более тесного сообщества» с Африкой пронизана повесткой развития, поскольку заявлено, что, когда процветают отношения КНР и африканских стран, процветают и отношения внутри стран Глобального Юга, причем «это единственный способ добиться общего развития» [10]. В политическом отношении КНР, согласно концепции, содействует коллективному возвышению развивающихся стран и установлению более справедливого баланса сил в мире. Показательным выглядит тезис о том, что Африка – «огромное пространство для международного сотрудничества, а не арена соперничества великих держав» [10], что является своего рода антитезой подходу США (см. ниже). Дальнейшим развитием этой идеи является признание со стороны Китая того обстоятельства, что содействие развитию государств Африки – «широкий консенсус среди международного сообщества и его общая ответственность» [10], исходя из чего можно заключить, что китайский подход, пусть и привязывая развитие Африки к собственному, все же не монополизировало эту повестку.

Характерной чертой стратегии КНР в Африке также служит детальная фиксация всех положений. В документе называется много цифр, которые подтверждают высокую развитость китайско-африканских контактов, причем в разрезе каждой отдельной области сотрудничества. И хотя, как и в случае с КВП РФ, конкретные страны не выделены в качестве приоритетных партнеров, все же приведена иерархия двусторонних отношений. По состоянию на 2021 г., когда была опубликована эта стратегия, отношения КНР с девятью странами были оформлены на уровне всеобъемлющего стратегического партнерства сотрудничества, с тремя – всеобъемлющего стратегического сотрудничества, с шестью – стратегического партнерства, с семью – всеобъемлющего партнерства и сотрудничества [10]. Дополнительным стержнем укрепления контактов служит наращивание сотрудничества между Коммунистической партией Китая и ведущими политическими партиями государств Африки, причем с целью «построить новый тип отношений» между ними.

³ Заметим, что упоминание африканских цивилизаций – еще одна характерная особенность китайской подхода, который можно условно назвать «сообществом цивилизаций». Новый российский подход, хотя и подчеркивает особый статус России как «самобытного государства-цивилизации», не распространяет цивилизационную парадигму на африканские страны.

Резюмируя раздел о стратегии КНР в Африке, обозначим некоторые факторы, которые смогли вывести китайско-африканские отношения на уровень, когда стороны оказались готовы двигаться в сторону «более тесного сообщества»: с 2009 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером большинства африканских стран, с 2000 г. Китаем было подготовлено более 160 тыс. африканских специалистов, с 2021 г. заработала первая зона свободной торговли Китая с африканской страной (Маврикий), совокупные прямые иностранные инвестиции превысили \$43 млрд, в 31,4% всех инфраструктурных проектов в Африке по состоянию на 2020 г. участвовали китайцы, китайский включен в образовательные системы 16 стран при содействии 61 действующего в Африке отделения Института Конфуция. С целью содействия академическому обмену в 2019 г. был создан Китайско-африканский институт, а в правительстве КНР существует должность специального представителя по африканской повестке [10].

«ВОЗРОДИТЬ ВЕРУ АФРИКИ В ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО США»

В августе 2022 г., через несколько месяцев после принятия КНР концепции взаимоотношений с Африканским континентом, вышло обновление стратегии США в Африке южнее Сахары, основной целью которой стало переосмысление значения региона для интересов национальной безопасности США. Примечательна откровенность положений этого документа – не только в части признания провала предыдущей линии, но и в части расстановки реальных, а не декларируемых приоритетов.

С одной стороны, стратегия выдержана в традиционном для США духе поддержки либерально-демократических ценностей. Среди основных направлений указаны поощрение открытых обществ; принесение дивидендов в области демократии и безопасности (имеется в виду поддержка со стороны США своего понимания демократии и моделей безопасности – Н.П.); ускорение восстановления после пандемии и расширение экономических возможностей; поддержка природоохранных усилий и справедливого энергетического перехода⁴ [12, с. 4]. Кроме того, новый подход – условно в отличие от предыдущего – «приветствует субъектность» Африки, «подключает африканские голоса к самым значимым мировым диалогам», «подчеркивает непреходящие исторические связи между американским и африканскими народами» и, наконец, «отходит от практик, когда Африка южнее Сахары предстает как отдельный мир, не поспевающий за фундаментальными изменениями в мире» [12, с. 5].

С другой стороны, при прочтении стратегии обращает на себя внимание разрыв понимания важности Африки для внешней политики США на сегодняшний день и в перспективе. И если последняя измеряется социально-экономическими прогнозами (сосредоточение на континенте к 2050 г. четверти трудовых ресурсов, 30% ключевых полезных ископаемых, расположенность Африки посреди важнейших мировых коммуникаций), то единственной причиной обращения США к Африке сегодня становится нарастание неблагоприятных тенденций, к числу которых, в первую очередь, относится активизация соперников США.

В отличие от концептуальных подходов России и Китая они не только называются прямо, но и вместе с соответствующей характеристикой, которая отделяет политику соперников от благих устремлений США. Указывается, например, что для Китая африканский регион представляет собой «важную среду, откуда можно бросать вызов порядку, основанному на правилах, продвигать свои узкие коммерческие и геополитиче-

⁴ Обычно в официальных американских документах под справедливым энергетическим переходом понимается максимизация использования ресурсов при минимизации климатического следа и определенной устойчивости энергосистем.

ские интересы, подрывать прозрачность и открытость, ослаблять отношения США с африканскими народами и правительствами» [12, с. 5].

Россия, по мнению авторов американской стратегии, видит в Африке «благоприятную среду для полугосударственных и частных военных компаний, которые сеют нестабильность, извлекая из этого стратегические и финансовые выгоды» [12, с. 5].

Стратегию можно назвать вполне агрессивной, поскольку все указанные ранее приоритеты так или иначе поддерживают главную цель – притормозить развитие контактов со всеми, кроме коллективного Запада, и минимизировать их влияние на отношения Вашингтона и Африки. Например, пункт про поощрение открытости обществ начинается с тезиса о том, что такие общества «обычно более настроены работать в общем русле с США, привлекать больше американских товаров и инвестиций, улучшать условия жизни своих граждан и бороться со зловредной деятельностью КНР, РФ и других внешних сил» [12, с. 7].

Среди неблагоприятных тенденций – и декларируемый США откат некоторых африканских государств в развитии и демократии, причем с указанием конкретных стран (Камерун, Демократическая Республика Конго, Эфиопия, Мозамбик, Нигерия, Сомали, государства Сахеля). Таким образом, это единственная среди рассмотренных нами стратегий, где называются отдельные страны, но делается это в негативном ключе. Интересно также, что США обобщают свои интересы в мировой повестке с таковыми со стороны африканских государств, поскольку в стратегии не раз говорится о «наших общих глобальных приоритетах» [12, с. 6].

По мнению США, борьба со «зловредной деятельностью внешних сил» невозможна без изменений внутри самих африканских стран. На протяжении всего текста стратегии читается несостыковка: с одной стороны, никто не должен вмешиваться во внутренние дела стран Африки, но с другой стороны – именно США «могут предоставить африканцам выбор относительно того, как им определить свое будущее, ограничив возможности для негативных государственных и негосударственных акторов» [12, с. 7]. Основная задача – «обратить вспять недавнюю волну авторитаризма», причем делается это методом кнута и пряника или, в американском варианте, «через выверенное сочетание позитивных стимулов и штрафных мер типа санкций» [12, с. 8].

США работают не только с официальными властями, при которых аккредитованы их посольства и представительства, но и поддерживают «журналистику расследований для борьбы с авторитаризмом», взаимодействуют с органами судебной системы для защиты демократии и прав человека, борьбы с коррупцией, проведения справедливых выборов. США поддерживают «гражданское общество, включая активистов, рабочих, настроенных на реформы лидеров, маргинализированные группы, в т.ч. ЛГБТ+» [12, с. 7–8]. Содействие демократии может также происходить за счет подготовки Соединенными Штатами «профессиональных, способных, подотчетных правительственных сил безопасности» [12, с. 14]. Таким образом, налицо явная готовность США вмешиваться во внутренние процессы африканских стран там и тогда, когда это отвечает интересам Вашингтона.

Выделение отдельных, типичных для повестки Вашингтона тем сотрудничества с Африкой во многом служит прикрытием истинных интересов, причем некоторые из них, как ни странно, декларируются открыто. Например, в разделе, где рассматривается расширение экономических возможностей стран континента, говорится, что цель всех мер – «возродить веру Африки в глобальное лидерство США» [12, с. 8].

Учитывая возросший интерес разных государств к Африке, американская стратегия также наметила определенные шаги, чтобы вывести отношения с континентом в статус «партнерства XXI века» [12, с. 12]. Речь идет о том, чтобы контактировать с более ши-

роким кругом государств в Африке, отправлять туда высокопоставленных переговорщиков, чтобы «обеспечить большее совпадение политического курса на основании общих ценностей» [12, с. 12]. Более того, это взаимодействие, по мнению США, не должно ограничиваться уровнем правительств, а охватывать, как минимум, гражданское общество. Отсюда – новый акцент на публичную дипломатию, особенно на молодежь и женщин.

В перспективе подход США к Африке как к региону может измениться. Во-первых, следующая концепция вполне может распространиться и на Северную Африку, чтобы «отказаться от бюрократического деления и рационализировать мандаты» [12, с. 13]. Во-вторых, в американском подходе Африка может стать частью Индо-Тихоокеанского пространства, поскольку уже в этом издании стратегии заявляется, что необходимо «переступить географические барьеры» и интегрировать Африку в Индийский океан [6, с. 12].

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПОДХОДЫ

На сегодняшний день стратегии по Африке разработаны Германией (2019 г., 2023 г.), Францией (2021 г.), Великобританией (2020 г.), Швецией (2022 г.), Австрией (2020 г.), Швейцарией (2021 г.) и Испанией (2019 г., 2021 г.). Вкратце отметим характерные черты подходов указанных стран к развитию отношений с африканскими государствами.

Германия

«Основы политики Федерального правительства Германии в Африке» [13], принятые в марте 2019 г., как и многие другие документы, подчеркивают готовность к равноправному сотрудничеству, но в определенной мере увязывают его с общими ценностями и соблюдением прав человека. Впрочем, в немецком подходе термин «демократия» в этом контексте не употребляется.

Еще один типичный для многих стратегий момент – признание субъектности африканских стран. В отличие от американской стратегии здесь рисуется более позитивная картина происходящего на континенте. В частности, говорится, что «острые кризисы и конфликты не преобладают во многих регионах Африки» и, «вопреки распространенной точке зрения, стабильность в Африке в целом укрепляется» [13, с. 2]. Более того, немецкая стратегия, вбирающая в себя отношения со всей географической Африкой, отказывается рассматривать континент как единое целое: «Заметные различия между регионами и странами (в Африке. – *Н.П.*) становятся все более очевидными и требуют более углубленного восприятия и дифференцированного использования инструментов сотрудничества. Каждое из 54 государств Африканского континента имеет свою собственную историю и опыт» [13, с. 3].

Представляется, что важной чертой подхода Германии к Африке, выгодно отличающей его на общем фоне, является подчеркнутое стремление обозначить свое понимание особенностей региона и происходящих в нем процессов: с одной стороны, конечно, приводится типовой анализ потенциала Африки (с опорой на демографию, рынки, ресурсные возможности и т.д.), но с другой – такие факторы, как «потеря (африканцами. – *Н.П.*) ориентиров, передаваемых из поколения в поколение», преобладание этнической или трансграничной лояльности над национальной идентичностью на периферии многих стран и т.п. [13, с. 2].

Следующий момент, который не был так ярко выражен в рассмотренных ранее стратегиях, – акцент на важности сотрудничества с региональными организациями. Это касается и кризисного регулирования, и решения вопросов социально-экономической повестки.

В целом немецкую стратегию можно было бы охарактеризовать как «широкое вовлечение», причем не только потому, что в тексте документа содержатся отсылки к заинтересованности Германии в работе с гражданским обществом и бизнес-кругами, а не только с правительствами. Более важным, как представляется, является положение о том, что Германия видит в других внешних игроках партнеров, а не соперников [13, с. 12]. В стратегии упоминаются Китай, Индия, Турция, Бразилия, Япония и США, а также содержится призыв прорабатывать новые модели совместного сотрудничества: например, в формате Германия – Восточная Африка – Китай – Индия [13, с. 12].

Сразу отметим, что обновленный подход, вышедший в 2023 г. под названием «Формируя будущее», выдержан в более алармистском ключе. Так, в тексте упоминаются три глобальных вызова, на которые Германии и Африке придется искать общие ответы. Среди них – украинский конфликт, укрепление Китая в Африке и климатический кризис [14, с. 1]. Таким образом, мы видим определенную синхронизацию подхода Германии с концепцией США. К 2023 г. несколько поменялось и германское видение ключевых акторов в Африке: помимо Китая и Турции, здесь впервые упоминаются государства Персидского залива, опускается роль Индии [14, с. 5]. Вспомнили и о российском присутствии в Африке, однако лишь в ключе того, что Россия поставляет в страны региона «оружие и наемников» [14, с. 5].

Стоит отметить, что основные направления политики Германии в Африке трудно назвать словом «приоритеты», поскольку всего в стратегии приведено 16 таких областей, причем некоторые из них концептуально пересекаются друг с другом, таким образом повторяясь. Показательно, однако, что первым упоминается содействие региональной интеграции, поскольку укрепление институтов, по мнению Германии, могло бы обеспечить минимизацию конфликтного потенциала [13, с. 5] (здесь можно проследить опору на собственный опыт европейской интеграции Германии с Францией), а также расширить торговые и инвестиционные возможности. Приоритеты здесь – Африканский союз, Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) и Восточноафриканское сообщество (ВАС).

Интересно также, что в число мер по созданию архитектуры мира и безопасности (следующее направление) Германия относит борьбу с незаконным оборотом стрелкового оружия [13, с. 6], в то время как многие склонны недооценивать влияние этого фактора на ход некоторых конфликтов. В остальном направления и меры совпадают с американским подходом: работа с молодежью, стипендии для талантов и обучение журналистов, борьба с коррупцией, защита природной среды, адаптация Африки к изменению климата и т.д. [13, 14]. Впрочем, здесь есть небольшой нюанс: практически по каждому направлению Германия стремится предложить конкретные действия, которые она готова предпринять с опорой на собственный опыт (например, внедрить системы сертификации для более ответственного использования ресурсов). Миграция – один из приоритетов для Германии, причем в стратегии предложено увязать повышение ее подконтрольности с позитивным влиянием на развитие: обученные кадры будут возвращаться к себе на родину, реинтегрироваться и приносить дивиденды уже собственной стране [13, с. 8]. Наконец интересно то, что в разделе о продвижении культурного сотрудничества Германия собирается способствовать пониманию африканцами значимости своих культурных корней, поскольку, по мнению федерального правительства, это может помешать проникновению в умы людей экстремистских идеологий [13, с. 12].

В 2023 г. количество приоритетов сузилось до шести, однако смысл их практически не поменялся. Новшеством стратегии стала ее совместная проработка с африканскими партнерами, причем с привлечением политиков, экспертов, бизнес-сообщества, молоде-

жи и представителей гражданского общества [14, с. 1]. Кроме того, виден более современный подход, где каждое направление проиллюстрировано инфографикой.

Резюмируя немецкую стратегию в Африке, заметим, что в Германии полагают, что «ожидания африканцев в отношении Германии возросли» [13, с. 4], поскольку ее лидерская роль в успешном преодолении европейского финансового кризиса сделала Берлин ключевым игроком в Европе, который должен играть в Африке «более заметную роль» [13, с. 4]. Тем не менее Германия не готова действовать в одиночку. Большая часть мер так или иначе увязана с курсом ЕС, причем в рамках новой концепции *Team Europe*⁵, когда отдельные страны, ЕС и неправительственные организации объединяют свои усилия, действуя на каком-то одном направлении, чтобы повысить свою узнаваемость.

Франция

Отличительная черта французского подхода, выраженного Французским агентством развития (ФАР), – его субрегиональное измерение, внедренное вместо единой общей стратегии по Африке. Таким образом, в настоящее время ФАР реализует четыре линии в отношении стран Африканского континента, что стало результатом реорганизации этого агентства в 2017–2019 гг. Французский подход выделяет такие субрегионы, как Северная Африка, Центральная Африка, Юг Африки и Гвинейский залив. Сближает Францию с немецким подходом то, что во всех четырех документах демонстрируется глубокое понимание особенностей стран каждого субрегиона, и именно из этого понимания выстраиваются приоритеты Франции в каждом из четырех случаев.

Наиболее проработанной выглядит стратегия по Северной Африке, где заявлено, что это регион с «уникальными связями с Европой и Францией», «сильной средиземноморской идентичностью», на которую повлияли африканцы, арабы и берберы [15, с. 6]. Значение региона для французской политики трудно недооценить: треть всех французских виз выдается выходцам из Северной Африки, 46% мигрантов, прибывающих во Францию из континента, приходится на его северную часть, чему способствует 83,4% всех авиарейсов, выполняемых сюда из Франции относительно всей Африки. Сильно и присутствие французского бизнеса: в Северной Африке накоплено 16 млрд евро французских прямых инвестиций [15, с. 9].

Здесь четко, в отличие от многих других концепций, очерчен круг государств наибольшего приложения усилий: сюда вошли Марокко, Тунис и Египет [15, с. 9]. Стратегические цели, поддерживающие вектор Франции в регионе, включают в себя: обеспечение устойчивости региона к климатическим изменениям (поскольку здесь темпы повышения температур на 20% превышает среднемировые значения); осуществление социального воздействия, направленного на сглаживание проявлений неравенства; а также продвижение социально-экономических трансформаций, в том числе в рамках выстраивания партнерств с гражданскими обществами стран [15, с. 12].

Центральная Африка получает совершенно иную характеристику: «разнообразный регион, слабо и неравномерно интегрированный на региональном уровне и отмеченный противоречивой динамикой и напряженностью, которые ослабляют его целостность» [16, с. 6]. В то же время, в отсутствие «определенного лидера», регион выделя-

⁵ Концепция «Команда Европы» (*Team Europe*) стала интересным нововведением политики ЕС и европейских стран в Африке. Как декларируется самим Брюсселем, она отражает более широкое понимание европейской дипломатии как совокупности собственно ЕС, его членов, включая их исполнительные органы и государственные банки развития, а также Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) и Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Подробнее см.: Global Gateway. *European Commission*. 2023. https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/global-gateway_en (дата обращения 31.05.2023).

ется «разрозненными интересами и сильным соперничеством» [16, с. 6]. В таких условиях регион все же представляет существенный интерес для французской внешней политики, поскольку наибольшее число франкофонов проживает именно здесь, причем эта тенденция в ближайшее время будет только нарастать. Среди страновых приоритетов – Камерун, а также Центральноафриканская Республика, Демократическая Республика Конго и Габон. Иначе выстроены и тематические акценты сотрудничества: борьба с уязвимостями стран региона через политические и гражданские трансформации; развитие человеческого капитала и содействие экономической диверсификации; защита природного богатства с акцентом на устойчивое территориальное развитие [16, с. 13]. Из перечисленного можно заключить, что предлагаемая Францией парадигма отношений с Центральной Африке акцентирует безопасность и стабильность как залог общественно-территориального развития.

На концептуальном уровне Юг Африки занимает более скромное место, учитывая, что в этом субрегионе доминирует английский, а не французский язык. Присутствие ФАР здесь было развернуто значительно позже Центральной Африки, начиная с Мозамбика и Анголы в 1980-х гг. И хотя в документе заявлено, что «Франции хотелось бы повысить уровень своих отношений с Югом Африки, особенно в политическом и экономическом отношении» [17, с. 7], основные акценты здесь сконцентрированы вокруг ЮАР как ключевого партнера, и с пониманием того, что сам субрегион наиболее неравномерен по своему социально-экономическому развитию, поскольку в нем расположены страны с одним из самых высоких уровней неравенства в мире, что также сказывается на уровне занятости. Ввиду этого основной фокус лежит в области финансовой экспертизы и привлечении новых источников частных инвестиций, хотя среди трех тематических приоритетов на первом месте значится борьба с изменениями климата, а уже потом – борьба с неравенством и поддержка региональной интеграции [17, с. 9]. Помимо ЮАР, приоритетной для Франции страной Юга Африки указывается Ангола, где реализуются проекты в области профессиональной подготовки и технической поддержки.

Выделяется подход к странам Гвинейского залива – «демографическому и экономическому тяжеловесу на континенте», «воротам в Сахель и район озера Чад» [18, с. 6]. Примечательно, что только для этого субрегиона указана его «новая геополитическая значимость» [18, с. 7], причем в контексте появления здесь новых игроков (которые не упоминаются для других частей континента): Китая, Турции и стран Ближнего Востока. Присутствие Франции, как указано в стратегии, подкрепляется «сильными, многомерными отношениями, построенными на общих интересах» [18, с. 7], чему способствуют французский язык и сохранение зоны франка КФА⁶. Согласно стратегии, в приоритетном порядке должны развиваться отношения с Нигерией и Кот-д'Ивуаром, а также с Бенином, Гвинеей, Либерией и Того [18, с. 8], но с последними в основном с точки зрения грантовой поддержки развитию.

Тематические приоритеты в субрегионе выглядят наиболее комплексно. Причина кроется в его особой значимости для Франции: «на обширной территории Западной Африки Гвинейский залив становится краеугольным камнем – относительно стабильной экономической и социальной зоной, в которой необходимо поддерживать прогресс на пути к процветанию и на основе которой Западная Африка в целом сможет обеспечить динамику развития, защиты и интеграции на благо своих граждан» [18, с. 10]. Акценты расставлены следующим образом: социально-экономическая интеграция молоде-

⁶ Франк КФА (фр. *franc CFA*), африканский франк – денежная единица французских владений в Западной и Экваториальной Африке и некоторых других территорий, выпускавшаяся различными эмитентами; в настоящее время – общее название двух денежных единиц 14 африканских стран, входящих в валютную зону франка.

жи; укрепление государств и гражданских обществ как залог демократических переходов; интегрированный ответ рискам нестабильности; формирование создающих ценность городских пространств [18, с. 10].

Подводя итоги этого небольшого анализа, отметим, что, по всей видимости, субрегиональные стратегические приоритеты Франции выглядят следующим образом: Гвинейский залив (экономическое, военно-политическое и культурное значение), Северная Африка (экономика и вопросы контроля миграции), Центральная Африка (социально-экономическое значение) и Юг Африки (экономика).

Великобритания

В Великобритании стратегии, посвященной отношениям с государствами Африки, до сих пор не было опубликовано, однако существует доклад Палате лордов, призывающий заполнить этот вакуум ввиду значимости континента для внешней политики королевства. Доклад, скорее, содержит критику подхода ряда правительств, не сумевших обеспечить преемственность и очерченность линии Великобритании: политика страны в Африке была банально «продолжением политики помощи», а сам континент представлялся в качестве «адресата филантропических кампаний» и совсем не регионом, обладающим «стратегической геополитической значимостью и возможностями для торговли» [19, с. 16].

Тем не менее в августе 2018 г. во время визита в ЮАР премьер-министр Т. Мэй обозначила план правительства «создать новое партнерство» с Африкой, подтверждением чему должен был стать «коренной стратегический поворот». Его основные идеи отражены в упомянутом докладе.

Среди пяти приоритетов перечислены: превращение стран Африки из «реципиентов помощи» в коммерческих и политических партнеров через наращивание взаимной торговли и британских инвестиций; поддержка возможностей африканских стран самостоятельно преодолевать кризисы безопасности; адаптация к изменениям климата, рациональное природопользование и энергетическая безопасность; социально-демографический переход. Последним направлением, причем единственным региональным, указывался Сахель с приоритетным вниманием по отношению к Мали, Нигеру, Чаду, Буркина-Фасо и Мавритании [19, с. 22]. И хотя эти пункты трудно назвать стратегией в полном смысле этого слова, интересна новая расстановка субрегиональных акцентов, поскольку ранее они приходились на англоязычные страны Африки – прежде всего, Кению, Нигерию и ЮАР. Основной мотив такого переосмысления, по-видимому, заключался в том, что проблемы, с которыми сталкиваются, например, Мали и Буркина-Фасо, также негативно сказываются на странах, с которыми Великобританию связывают давние тесные отношения (в т.ч. Нигерия и Гана).

Другие страны

Четкой структурой и выдержанной линией обладает испанская стратегия по Африке, выдержавшая к 2019 г. уже третье издание и вновь дополненная в 2023 г. «План Африка» не только выполнен в современном стиле, где сочетаются целеполагание, ситуационный анализ и инфографика, но и дает полное представление о реальных странах-приоритетах с учетом ограниченности ресурсов. Кроме того, план стал органичной частью Стратегии национальной безопасности 2017 г. и Стратегии внешней политики 2014 г. [20, с. 14].

Подобный подход мог бы быть применен Россией.

Заявлено, что национальный интерес Испании в Африке заключается в содействии трансформации континента в «пространство инклюзивного и устойчивого роста, мира,

безопасности, политической стабильности, уважения прав человека, сохранения окружающей среды». Отмечается, что такое видение полностью совпадает с африканской «Повесткой 2063»⁷ [20, с. 14]. В стратегии выделяется четыре стратегические задачи: стабилизация конфликтных зон и предотвращение их расползания; поддержка инклюзивного экономического роста, создающего рабочие места и сокращающего бедность; укрепление институтов и роли гражданского общества; упорядоченные миграционные потоки [20, с. 18–19]. Им сопутствует следование пяти ключевым принципам, среди которых: дифференциация и приоритезация отдельных государств, адаптация курса Испании к разным страновым реалиям на континенте; максимально широкие рамки партнерств с целью мобилизации имеющихся ресурсов; синергия действий участвующих в африканской политике сил; мультилатерализм; защита прав человека [20, с. 19–21].

Как уже было отмечено, в испанском подходе прослеживается четкая иерархия страновых приоритетов [20, с. 21]. Ключевыми партнерами определены Южная Африка, Нигерия и Эфиопия как «якоря стабильности» и драйверы демографического и экономического роста. Далее идут Сенегал и Ангола, с которыми у Испании «углубленное партнерство». Наконец еще с пятью государствами Испания намерена развивать привилегированные отношения: это Гана, Кения, Мозамбик, Кот-д’Ивуар и Танзания.

Каждый из приоритетов досконально детализирован в виде определенного подхода, что получило свое продолжение в 2023 г., когда был издан документ «Фокус: Африка». Четыре приоритета были конкретизированы до семи направлений партнерства. Ключевые страны, хотя и не поменялись, сменили друг друга в общем порядке: Нигерия, Эфиопия и Южная Африка [21, с. 9]. Помимо общих страновых приоритетов, теперь добавились и специфические. Например, в области экономики в фокусе Испании находятся Марокко, Алжир, Египет, Руанда, Уганда, Сенегал, Кот-д’Ивуар, Кения, Танзания и Гана, а в сфере мира и безопасности – Сахель, Африканский рог, Гвинейский залив и Мозамбик. С точки зрения партнерств для развития Испанию интересуют Мали, Нигер, Сенегал, Кабо-Верде, Экваториальная Гвинея, Эфиопия, Мозамбик, Марокко, Мавритания, Тунис и Египет [21, с. 9].

Таким образом, у Испании налицо «зонтичный подход», адаптированный под реальные возможности страны без привязки к каким-либо политическим модальностям и лишенный духа соперничества (иные внешние силы в стратегиях совсем не упоминаются).

Стратегию Австрии в Африке можно изучить по документу, подготовленному для Министерства занятости и экономики в декабре 2022 г. Не уходя в детали, он интересен тем, что в нем выделяются приоритетные для Австрии партнеры на континенте. К ним отнесены Нигерия, Эфиопия, Кения, Гана, Танзания, Кот-д’Ивуар и Сенегал [22, с. 7]. В разрезе субрегионов в порядке приоритетности для Австрии оказываются: Западная Африка и Сахель, Восточная Африка и Африканский рог, а также Юг Африки (Центральная Африка не упоминается вообще) [23, с. 8–10].

Стратегия Швеции сконцентрирована на традиционных для этой страны темах (экология, права человека и демократия, миграция, инклюзивный рост, мирные общества), ввиду чего концептуально максимально напоминает американскую с точки зрения общего подхода (за исключением блока про соперничество, которого здесь нет) и не имеет своих характерных черт [24].

⁷ В 2015 г. Африканский союз принял программный документ «Африка, которую мы хотим», также известный как программа действий АС до 2063 г., или «Повестка 2063». Ее основная идея – создать интегрированную, процветающую и мирную Африку, которую будут двигать вперед ее граждане и которая будет представлять динамичную силу на международной арене.

Интересным образом географические и тематические приоритеты расставлены в швейцарской концепции. Это единственная концепция, где работа с региональными организациями является самостоятельной, но органичной частью регионального подхода (Сахель, затем Большой африканский рог, регион Великих озер, «львиные экономики» и собственно региональные организации), причем сам подход ограничивается государствами Африки южнее Сахары [25, с. 16]. Тематические приоритеты, будучи единым блоком, отличаются своим сочетанием для каждого регионального направления. Например, сотрудничество со «львиными экономиками» (Сенегал, Кот-д'Ивуар, Гана, Нигерия, Ангола, ЮАР, Руанда, Кения, Эфиопия) не предполагает вовлечение с точки зрения повестки мира и безопасности, что компенсируется цифровизацией (этот аспект не предусмотрен для других приоритетов) [25, с. 16]. Также заметим, что важность стратегии для Швейцарии можно понять еще и по тому, что Африка стоит второй в блоке из всего трех дополняющих общую стратегию концепций (первой появилась стратегия по Ближнему Востоку, последней – по Китаю). Сама стратегия стала результатом консультаций с представителями более 30 стран региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попробуем резюмировать рассмотренные стратегии по ряду базовых критериев. Во-первых, заметно, что подходы стран к выстраиванию отношений с Африкой отличаются с точки зрения своего географического охвата. В частности, американская стратегия учитывает исключительно страны Африки южнее Сахары, в то время как, например, подходы Германии и Испании оказываются шире и охватывают все страны Африканского континента. Китай предложил оригинальное видение приложения своей африканской стратегии, заменив географический принцип цивилизационным. Это, в свою очередь, позволило позиционировать китайско-африканские отношения как диалог между двумя древними цивилизациями, что придало ему особое место во внешнеполитической концепции Пекина. В Концепции внешней политики России не содержится конкретизирующих положений на этот счет, однако из двух прошедших саммитов «Россия – Африка» можно заключить, что предпочтение отдается общегеографическому подходу, как и в случае немецкой стратегии. В случае с Францией видим иное решение: отказаться от общеафриканской стратегии в пользу субрегионального измерения, что позволяет конкретизировать цели для каждого из четырех направлений. Схожая практика принята и Швейцарией, хотя здесь несколько другое распределение стран по субрегионам. Африканская стратегия Великобритании не дает возможности понять, охватывает ли она все страны континента либо же только Африку южнее Сахары.

Во-вторых, концепции отличаются с точки зрения своей идейной основы, будучи ориентированными на сотрудничество или соперничество. Для последнего случая характерно прямое упоминание соперников на страницах документов. Самый яркий пример в этом смысле – стратегия США, противопоставляющая свои цели с действиями Китая и России на континенте. Ее общий замысел может быть охарактеризован как «сдерживание через демократизацию». В российском подходе основными антагонистами выступают «развитые государства с неокOLONиальными устремлениями», ввиду чего стратегию России можно было бы условно назвать «самобытность vs. неокOLONиализм». А вот стратегии Китая и Германии, напротив, подчеркивают готовность стран к выстраиванию партнерских отношений. Британская стратегия упоминает других игроков, скорее, в качестве ориентира для собственного целеполагания.

В-третьих, у каждой стратегии свои акценты в выборе приоритетных партнеров на континенте. Причем этот пункт характерен, скорее, для менее крупных игроков, по-

скольку в подходах Китая, США, России, Великобритании, Германии такая конкретизация отсутствует. Тем не менее Швейцария уделяет приоритетное внимание выделенным на континенте «львиным экономикам»; Испания, учитывая ограниченность своих ресурсов, – ЮАР, Нигерии и Эфиопии и в меньшей степени Сенегалу, Анголе, а также Гане, Кении, Мозамбику, Кот-д’Ивуару и Танзании. У Франции свой набор страновых акцентов для каждого субрегиона: Марокко, Тунис и Египет – в Северной Африке; Камерун, ЦАР, ДРК и Габон – в Центральной Африке; ЮАР и Ангола – на юге Африки; Нигерия и Кот-д’Ивуар – в районе Гвинейского залива.

Приведенная ниже таблица позволяет еще раз взглянуть на эти параметры в сопоставлении.

	Россия	Китай	США	Германия
Идейная основа	самобытность vs. неокOLONИализм	сообщество цивилизаций	сдерживание через демократизацию	широкое вовлечение
Географический охват	Африка, без уточнения	африканская цивилизация (географически)	Африка южнее Сахары	Африканский континент (географически)
Упоминание соперников	развитые государства с неокOLONИальными устремлениями	готовность к партнерству со всеми	Китай и Россия	готовность к партнерству с Китаем, Индией, Турцией
Страновые акценты	не упомянуты	не упомянуты	не упомянуты	не упомянуты
	Франция	Великобритания	Испания	Швейцария
Идейная основа	влияние через понижение отличий	отсутствует	концентрация ресурсов ради взаимного результата	«лучшее от бренда»
Географический охват	четыре субрегиона Африканского континента	Африка, без уточнения	Африканский континент (географически)	четыре района в Африке южнее Сахары
Упоминание соперников	не упомянуты	готовность учесть опыт Франции, ЕС, Германии, США, Китая, Турции и др.	не упомянуты	только как рост влияния: Китай, Россия, Турция, Индонезия, Индия, арабы
Страновые акценты	Марокко, Тунис и Египет; Камерун, ЦАР, ДРК, Габон; ЮАР и Ангола; Нигерия и Кот-д’Ивуар	не упомянуты	ЮАР, Нигерия и Эфиопия; Сенегал и Ангола; Гана, Кения, Мозамбик, Кот-д’Ивуар и Танзания	«львиные экономики»

Источник: [2], [10], [12–25].

ИСТОЧНИКИ

1. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045> (дата обращения 31.05.2023)
2. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения 31.05.2023)

3. Россия и страны Африки хотят равноправного мира без навязывания западной парадигмы сознания. *Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации*. <http://duma.gov.ru/news/56645/> (дата обращения 31.05.2023)
4. Fituni L.L. Designs of the Four: Comparing African Strategies of Russia, China, US, and EU against Backdrop of the (Re)Emerging Bipolarity. *Advances in African Economic, Social and Political Development*. 2021, с. 77–94.
5. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Пути повышения эффективности африканской стратегии России в условиях кризиса существующего миропорядка. *Вестник Российской академии наук*. 2022, т. 92, № 9, с. 837–848.
6. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Стратегия России на африканском направлении: что изменилось после саммита Россия-Африка 2019? *Мировая экономика и международные отношения*. 2021, т. 65, № 12, с. 68–78.
7. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Вестник Российской академии наук*. 2020, т. 90, № 11, с. 1067–1076.
8. Филиппов В.Р. Африканская политика Франции в 2017–2023 годах. *Азия и Африка сегодня*. 2023, № 5, с. 65–73.
9. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Новая стратегия Британии в Африке в свете интересов России. *Современная Европа*. 2020, № 6 (99), с. 52–63.
10. Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху (ноябрь 2021 г.). КНР. Пресс-канцелярия Госсовета (на кит.яз.). https://www.gov.cn/zhengce/2021-11/26/content_5653540.htm (дата обращения 31.05.2023)
11. Панин Н.А. Практика голосования государств Африки южнее Сахары в Генеральной Ассамблее ООН: последние тенденции и основные стратегии. М., ИП РСМД, 2023. 64 с. ISBN 978-5-6048842-7-0.
12. U.S. Strategy Toward Sub-Saharan Africa. August 08, 2022. *The White House*. <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/08/U.S.-Strategy-Toward-Sub-Saharan-Africa-FINAL.pdf> (дата обращения 31.05.2023)
13. Policy Guidelines for Africa of the German Federal Government. *Federal Foreign Office*. <https://monrovia.diplo.de/blob/1714816/c4d775a5ed891e91265a01ac5c087fc3/afrika-leitlinien-download-data.pdf> (дата обращения 31.05.2023)
14. Shaping the future with Africa. The Africa Strategy of the BMZ. *Federal Ministry for Economic Cooperation and Development (BMZ)*. <https://www.bmz.de/resource/blob/137602/bmz-afrika-strategie-en.pdf> (дата обращения 31.05.2023)
15. Stratégie régionale Afrique du Nord 2021–2025. Mars 2021. *Agence française de développement (AFD)*. <https://www.afd.fr/sites/afd/files/2021-03-02-49-37/strategie-regionale-afrique-nord-2021-2025.pdf> (дата обращения 31.05.2023)
16. Stratégie régionale Afrique centrale 2020–2024. Mai 2021. *Agence française de développement (AFD)*. <https://www.afd.fr/sites/afd/files/2021-09-10-17-49/strategie-regionale-afrique-centrale-2020-2024.pdf> (дата обращения 31.05.2023)
17. Stratégie régionale Afrique australe 2021–2025. Juillet 2021. *Agence française de développement (AFD)*. <https://www.afd.fr/sites/afd/files/2021-07-11-50-45/strategie-regionale-afrique-australe-2021-2025.pdf> (дата обращения 31.05.2023)
18. Stratégie régionale golfe de Guinée 2020–2024. Septembre 2021. *Agence française de développement (AFD)*. <https://www.afd.fr/sites/afd/files/2021-10-01-36-26/strategie-regionale-golfe-guinee-2020-2024.pdf> (дата обращения 31.05.2023)
19. The UK and Sub-Saharan Africa: prosperity, peace and development co-operation. HL Paper 88. 10 July 2020. *House of Lords. Select Committee on International Relations and Defence*. <https://committees.parliament.uk/publications/1830/documents/17881/default/> (дата обращения 31.05.2023)
20. III Plan África. España y África: desafío y oportunidad. Marzo 2019. *Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación*. https://www.exteriores.gob.es/es/PoliticaExterior/Documents/2019_PLAN%20AFRICA.pdf (дата обращения 31.05.2023)
21. Foco África 2023. Marzo 2021. *Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación*. <https://www.exteriores.gob.es/es/Comunicacion/Noticias/Documents/DOCUMENTOS%20F>

- OCO%20AFRICA/ESP%20DOCUMENTO%20FOCO%20AFRICA%202023.pdf (дата обращения 31.05.2023)
22. Top Länder und Megatrends in Subsahara Afrika. Chancen für die österreichische Wirtschaft. Dezember 2022. Bundesministerium Arbeit und Wirtschaft. https://www.bmaw.gv.at/dam/jcr:f75c5492-75e2-4b6b-93ab-e8afcd846ced/Studie-Top-Laender-und-Megatrends-in-Subsahara-Afrika_bf.pdf (дата обращения 31.05.2023)
 23. Regionalansatz der Österreichischen Entwicklungszusammenarbeit in Subsahara-Afrika 2020–2030. Mai 2020. *Bundesministerium für europäische und internationale Angelegenheiten. Austrian Development Agency (ADA)*. https://www.entwicklung.at/fileadmin/user_upload/Dokumente/Publicationen/Landesstrategien/DE_Regionalansatz_Sub Sahara_Afrika_2020-2030.pdf (дата обращения 31.05.2023)
 24. Strategi för Sveriges regionala utvecklingssamarbete med Afrika 2022–2026. Mars 2022. *Utrikesdepartementet*. <https://www.regeringen.se/contentassets/6cea9fda98ec492580baff07aee6b859/strategi-for-sveriges-regionala-utvecklingssamarbete-med-afrika-2022-2026.pdf> (дата обращения 31.05.2023)
 25. Stratégie pour l'Afrique Subsaharienne 2021–2024. 2021. *Département fédéral des affaires étrangères (DFAE)*. https://www.eda.admin.ch/content/dam/eda/fr/documents/publications/SchweizerischeAussenpolitik/20210205-strategie-subsahara-afrika_FR.pdf (дата обращения 31.05.2023)

AFRICAN STRATEGIES: A COMPARISON OF PRESENT-DAY APPROACHES EMPLOYED BY EXTERNAL ACTORS TOWARD THE CONTINENT

© 2023 Nikita Panin

PANIN Nikita A., PhD Candidate of the Centre for Russian-African Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies, RAS. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka str., 30/1, email: contact@panin-nikita.ru

Abstract. *The article explores the conceptual approaches adopted by China, the U.S. and some European nations, notably Germany and France, as the basis for their African policies. The analysis offers a comprehensive comparison, accounting for the main ideas on Africa as contained in the new edition of Russia's Foreign Policy Concept. Arguably, the strategies contain divergent visions of the geographic scope as well as the conceptual framework for engaging Africa. Besides, the approaches differ when assessing the role other actors have to play in Africa, ranging from open competition up to a certain readiness for partnerships in specific issue areas. For each case, the author discusses its own specifics.*

Keywords: *Africa, strategies, foreign policy concept, approaches, Russia, United States, China, EU, Germany, France*

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-29-47

REFERENCES

- Abramova I.O., Fituni L.L. New Strategy of Russia in African Direction. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2020, vol. 90, № 11, pp. 1067–1076.
- Abramova I.O., Fituni L.L. Russia's New Strategy in the African Direction. *World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, № 12, pp. 68–78.
- Abramova, I.O., Fituni, L.L. Ways to Increase the Efficiency of Russia's African Strategy under the Crisis of the Existing World Order. *Her. Russ. Acad. Sci.* 92, pp. 569–579 (2022).
- Decree of the President of the Russian Federation dated 30.11.2016 № 640 "Authorization of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation" (in Russian). <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045> (accessed 31.05.2023)
- Decree of the President of the Russian Federation dated 31.03.2023 № 229 "Authorization of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation" (in Russian). <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (accessed 31.05.2023)
- Filippov V.R. The African Policy of France in 2017-2023. *Asia and Africa today*. 2023, № 5, p. 65–73.
- Fituni L.L. Designs of the Four: Comparing African Strategies of Russia, China, US, and EU against Backdrop of the (Re)Emerging Bipolarity. *Advances in African Economic, Social and Political Development*. 2021, p. 77–94.
- Fituni L.L. and Abramova I.O. (2020), The new strategy of Britain in Africa in the light of Russia's interests, *Sovremennaiia Evropa*. 2020, № 6 (99), pp. 52–63.
- Foco África 2023. Marzo 2021. *Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación*. <https://exteriores.gob.es/es/Comunicacion/Noticias/Documents/DOCUMENTOS%20FOCO%20AFRICA/ESP%20DOCUMENTO%20FOCO%20AFRICA%202023.pdf> (accessed 31.05.2023)
- III Plan África. España y África: desafío y oportunidad. Marzo 2019. *Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación*. https://www.exteriores.gob.es/es/PoliticaExterior/Documents/2019_PLAN%20AFRICA.pdf (accessed 31.05.2023)

- Panin, Nikita. Voting Practices of Sub-Saharan States of Africa at the UN General Assembly: Latest Trends and Underlying Strategies: Working Paper No. 74 / 2023. *Russian International Affairs Council (RIAC)*. Moscow: RIAC NP, 2023. 80 p. ISBN 978-5-6048843-1-7.
- Policy Guidelines for Africa of the German Federal Government. *Federal Foreign Office*. <https://monrovia.diplo.de/blob/1714816/c4d775a5ed891e91265a01ac5c087fc3/afrika-leitlinien-download-data.pdf> (accessed 31.05.2023)
- Regionalansatz der Österreichischen Entwicklungszusammenarbeit in Subsahara-Afrika 2020–2030. Mai 2020. *Bundesministerium für europäische und internationale Angelegenheiten. Austrian Development Agency (ADA)*. https://www.entwicklung.at/fileadmin/user_upload/Dokumente/Publikationen/Landesstrategien/DE_Regionalansatz_Sub Sahara_Afrika_2020-2030.pdf (accessed 31.05.2023)
- Russia and African Countries Aspire for an Equitable World Order without Imposing the Western Paradigm. *State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation*. <http://duma.gov.ru/news/56645/> (accessed 31.05.2023)
- Shaping the future with Africa. The Africa Strategy of the BMZ. *Federal Ministry for Economic Cooperation and Development (BMZ)*. <https://www.bmz.de/resource/blob/137602/bmz-afrika-strategie-en.pdf> (accessed 31.05.2023)
- Strategi för Sveriges regionala utvecklingssamarbete med Afrika 2022–2026. Mars 2022. *Utrikesdepartementet*. <https://www.regeringen.se/contentassets/6cea9fda98ec492580baff07aee6b859/strategi-for-sveriges-regionala-utvecklingssamarbete-med-afrika-2022-2026.pdf> (accessed 31.05.2023)
- Stratégie pour l'Afrique Subsaharienne 2021–2024. 2021. *Département fédéral des affaires étrangères (DFAE)*. https://www.eda.admin.ch/content/dam/eda/fr/documents/publications/Schweizerische-Aussenpolitik/20210205-strategie-subsahara-afrika_FR.pdf (accessed 31.05.2023)
- Stratégie régionale Afrique australe 2021–2025. Juillet 2021. *Agence française de développement (AFD)*. <https://www.afd.fr/sites/afd/files/2021-07-11-50-45/strategie-regionale-afrique-australe-2021-2025.pdf> (accessed 31.05.2023)
- Stratégie régionale Afrique centrale 2020–2024. Mai 2021. *Agence française de développement (AFD)*. <https://www.afd.fr/sites/afd/files/2021-09-10-17-49/strategie-regionale-afrique-centrale-2020-2024.pdf> (accessed 31.05.2023)
- Stratégie régionale Afrique du Nord 2021–2025. Mars 2021. *Agence française de développement (AFD)*. <https://www.afd.fr/sites/afd/files/2021-03-02-49-37/strategie-regionale-afrique-nord-2021-2025.pdf> (accessed 31.05.2023)
- Stratégie régionale golfe de Guinée 2020–2024. Septembre 2021. *Agence française de développement (AFD)*. <https://www.afd.fr/sites/afd/files/2021-10-01-36-26/strategie-regionale-golfe-guinee-2020-2024.pdf> (accessed 31.05.2023)
- The UK and Sub-Saharan Africa: prosperity, peace and development co-operation. HL Paper 88. 10 July 2020. *House of Lords. Select Committee on International Relations and Defence*. <https://committees.parliament.uk/publications/1830/documents/17881/default/> (accessed 31.05.2023)
- Top Länder und Megatrends in Subsahara Afrika. Chancen für die österreichische Wirtschaft. Dezember 2022. *Bundesministerium Arbeit und Wirtschaft*. https://www.bmaw.gv.at/dam/jcr:f75c5492-75e2-4b6b-93ab-e8afcd846ced/Studie-Top-Laender-und-Megatrends-in-Subsahara-Afrika_bf.pdf (accessed 31.05.2023)
- U.S. Strategy Toward Sub-Saharan Africa. August 08, 2022. *The White House*. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/08/U.S.-Strategy-Toward-Sub-Saharan-Africa-FINAL.pdf> (accessed 31.05.2023)
- 新时代的中非合作 (2021年11月) / 中华人民共和国. 国务院新闻办公室 https://www.gov.cn/zhengce/2021-11/26/content_5653540.htm (accessed 31.05.2023)